

Песни

Ботик

Ю. Визбор

Один рефрижератор, представитель капстраны,
Попался раз в нештучную выюгу,
А в миле от гиганта поперек морской волны
Плыл ботик по фамилии «Калуга».

Припев:

Что ж вы ботик потопили?
Был в нем старый патефон
И портрет Эдиты Пьехи,
И курительный салон.

А тот рефрижератор, что вез рыбу для капстран,
Вдруг протаранил ботик молчаливо,
На таре из-под джина только виден капитан
Хорошего армянского разлива.

Припев.

«Ду ю спик англиш, падлы!», — капитан кричит седой,
«Француженка, быть может, мать твоя?
А может вы совсем уже, пардон, шпрехен зи дойч?» —
И с судна отвечают — «я,я,я»
Что «я»?

Прив.

Советское правительство послало документ
И навело ракеты на балбеса,
А ботику отгрохали огромный монумент,
Которым и гордится вся Одесса.
И там внизу написали:

Прив.

Если я заболею

Я. Смеляков, Ю. Визбор

Если я заболею,
К врачам обращаться не стану,
Обращусь я к друзьям —
Не сочтите, что это в бреду:

Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Упавшую с неба звезду!
Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Упавшую с неба звезду!

Я шагал напролом,
Никогда я не слыл недотрогой.
Если ранят меня
В справедливых тяжелых боях,

Забинтуйте мне голову
Русской лесною дорогой
И укройте меня
Одеялом в осенних цветах.

От морей и от гор
Веет вечностью, веет простором.
Раз посмотришь — почувствуешь:
Вечно, ребята, живем!

Не больничным от вас
Ухожу я, друзья, коридором,
Ухожу я, товарищи,

Сказочным млечным путем.

1968 г.

ОХОТНЫЙ РЯД

Ю. Визбор

Нажми, водитель, тормоз наконец,
Ты нас тиранил три часа подряд.
Слезайте, граждане, приехали, конец —
Охотный ряд, Охотный ряд.
Слезайте, граждане, приехали, конец —
Охотный ряд, Охотный ряд.

Когда-то здесь горланили купцы,
Москву будила дымная заря,
И над сугробами звенели бубенцы —
Охотный ряд, Охотный ряд.

Здесь бродит запад, гидов теребя,
На метрополь колхозники глядят.
Как неохота уезжать мне от тебя,
Охотный ряд, Охотный ряд.

Вот дымный берег юности моей,
И гавань встреч, и порт ночных утрат,
Вот перекресток ста пятнадцати морей —
Охотный ряд, Охотный ряд.

Нажми, водитель, тормоз наконец,
Ты нас тиранил три часа подряд.
Слезайте, граждане, приехали, конец —
Охотный ряд, Охотный ряд.

1960 г.

Грустные мысли

А. Дулов, по стихам Н. Рубцова

Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто-то по ельнику в сумерках едет и едет —
Позднее время — спешат запоздалые дроги.
Плачет звезда, холодея, над крышей сарая...
Вспомни — о родина! — праздник на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной мы катались, играя,
Снег освещенный летел вороному под ноги.

Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,
Льется ли чудное пение детского хора, —
О, моя жизнь! На душе не проходит волненье...
Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,
Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.
Что ж я стою у размытой дороги и плачу?
Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...

Черными горами

А. Дулов, по стихам Д. Сухарева

А мне красться не судьба
Черными горами,
Не студить чумного лба
Черными ветрами,
Ни при звездах и луне,
Ни под черной тучей
Не толкать ладонью мне
Двери нескрипучей.

Ничего мне понять
На высоком ложе,
Поцелуем не унять
Чьей-то дивной дрожи,
Не цепляться за плечо
На краю обрыва —
Отчего так горячо?
Отчего счастливо?

Не срывался я, хмельной,
В пустоту обвала,
Ничего того со мной
Сроду не бывало,
Не бывало до сих пор
И не будет случай —
Не бывает черных гор,
Двери нескрипучей.

И не снится мне обрыв
Прямо с кручи горной,
Где сидит, глаза прикрыв,
Старый ворон черный;
Старый ворон, черный вран —

Все он ждет зевая,
Пока вытечет из ран
Кровь моя живая.

Триптих Ю. Аделунга

I. Монолог рейтера

Давно уже привык
с подругой аркебузой
В тревожный час ночной
постель свою делить
Но считанные дни
нанизаны, как бусы,
На тоненькую жизнь
непрочную, как нить

Теперь за жизнь свою
я и гроша не дал бы
Фортуна, подмигнув
ушла гулять с другим
Чужое воронье
давно привыкло к залпам
А колокол устал
петь похоронный гимн

Рубаху — на бинты,
бог даст — не околеем
Ты видишь этот дым,
родного очага?
Там пир идет горой,
там вороны — лакеи,
Огонь уже раздул
зловещий кочегар.

Удачи не сыскать,
с другим удача блудит,
Кумиров не найти:
кто платит, тот велик
Мы не один престол
преподнесли не блюде,
И не один костер
на тронах развели.

Мы ждем, когда судьба
ударит в барабаны
К прицелу бомбардир
прищурившись, приник
Уже горит фитиль,
и наготове банник
Ликует воронье,
а колокол охрип.

II. Монолог колокола

Я стар,
я так устал,
и я
не успеваю
Отпеть
бредущих всех
с рассвета
до заката
Но мне
не все равно,
кого я
отпеваю
И чья
рука ведет
напевы
языка

Мне видно с высоты,
как гибнут горожане
Вот мой любимый сквер
скрывается в огне
Уж все, что я любил,
истерзано врагами
И стоны рвутся вверх,
и боль звучит во мне

Врагу бог силы дал:
нас можно переплавить,
на пушки перелить,
лишить нас языка
Но никогда вандал
не сможет нас заставить
болеть его бедой
и плакать напоказ

Любимый город мой —
навек с тобой прощаюсь
Мне б жить да жить еще,
да видно, не судьба
Уж некого отпеть,
но я еще качаюсь
И умирая я,
смогу отпеть себя

III. Монолог ворона

Приготовьте ваши фраки,
вороны
На последней башне флаги
сорваны
Погреба пороховые
взорваны

Приготовьтесь,
скоро выход,
во
ро
ны

Что глядишь ты на меня
с ужасом?
Чуешь, смерть над головой
кружится?
Видно, жизнь тебе в обузу —
маешься,
к бесполезной арбузе
тянешься

С нею ты своей бедой
не поделишься
Ай, стой!
Ведь ты ж в меня
целишься
Лучше смерть свою дождись —
вон шаркает
Ну а мне ведь жить да жить,
каркая

Мы с тобой одной войной
вскормлены
И не я тому виной
скорбною
Ты, как я всю жизнь прожил,
падалю
Не стреляй же!
Погоди!
Падает.